

АЛЕКС Д

Почти
ЛЮБОВЬ

18+

Алекс Д
Почти любовь
Серия «Любовь и драма»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68478130
2023

Аннотация

Наша история строилась на череде встреч, каждая из которых заканчивалась по-разному, но так или иначе вела к новому столкновению. Неизменным оставалось только одно – мы пытались любить друг друга.

И у нас получилось.

Почти.

В книге присутствует нецензурная брань!

Содержание

Пролог	4
Часть 1 Без страховки	13
Глава 1	13
Глава 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Алекс Д

Почти любовь

Пролог

«Мне стоило задуматься... Те образы, что всплывают в нашей голове, когда мы смотрим в глаза женщине, являются отражением чего-то важного и необъяснимого, не до конца осознанного, но уже необратимо пустившего свои ростки где-то глубоко внутри...»

Кравцов

Впервые я встретил Олесю, когда она была смешной пухлощечкой малышкой с копной пшеничных кудряшек и россыпью конопушек на носу. Наши отцы много лет вместе работали в центре эстетической медицины. Не самые близкие друзья, но хорошие приятели и коллеги, периодически пересекающиеся за пределами центра.

В тот памятный день нас пригласили в ресторан по случаю юбилея главы семейства Матвеевых, и нам с Олесей пришлось высидеть за одним столом несколько утомительных часов. Все это время шепелявая малявка раздражала меня своей болтовней и явной гиперреактивностью. Мне уже исполнилось целых тринадцать, а ей от силы пять. Она еще

картавила, непоседливо вертелась в своем кресле, доставая всех, а особенно меня, пока я с подростковым интересом поглядывал на одну из официанток, обслуживающих банкет.

Я бы и забыл об избалованной соплячке и о том скучном вечере, но мелкая Веснушка (именно так я прозвал ее с нашей первой встречи) умудрилась стать гвоздем программы, засветив мандарином прямиком в поднос понравившейся мне официантки. Все десять бокалов с напитками были поражены одним метким ударом и с грохотом рухнули на пол, забрызгав в полете гостей и саму официантку.

Пока оказавшиеся в зоне поражения отходили от шока и отряхивались, маленькая хулиганка довольно улыбнулась, демонстрируя отсутствие как минимум двух молочных зубов.

– Страйк, – заявила она, обращаясь ко мне и заговорщически пояснила: – Люблю боулинг.

Второй раз я встретил ее через три или четыре года при схожих обстоятельствах. На этот раз семья Веснушки в полном составе приехала в тот же самый ресторан поздравлять моего отца с юбилеем. По злему року нас снова усадили рядом. Она не сильно изменилась, все так же вертелась и отвлекала взрослых своей детской болтовней, но стала чуть выше ростом, и веснушек заметно поубавилось.

Когда на горизонте появилась официантка с бокалами, я непроизвольно напрягся и с опаской взглянул на фруктовую

тарелку, в которой на удачу всех собравшихся не оказалось ничего круглого. Не успели гости выдохнуть и расслабиться, как случилось то, чего не ожидал никто. Кудрявая хулиганка достала из-под стола бумажный самолетик и направила его в сторону приближающейся девушки с подносом. Тот угодил ей прямым в глаз. Вскрикнув, официантка пошатнулась на высоких каблуках и, потеряв равновесие, опрокинула поднос со всем содержимым на меня.

– Снова страйк, – рассмеялась Веснушка, сверкая полным рядом зубов.

– Все еще любишь боулинг? – «обтекая», огрызнулся я.

– Неа, теперь я люблю самолеты, – потряхнув копной пшеничных кудряшек, объявила вредная малявка.

Третий раз мы встретились спустя еще много лет в университетской столовой. Я заканчивал ординатуру, она – второкурсница. Я бы никогда ее не узнал, если бы Веснушка не под села ко мне сама. К слову, веснушек у нее больше не наблюдалось, круглые щечки пропали, а волосы, выкрашенные в пепельный цвет, идеально-гладкими локонами струились до середины спины. Хулиганистую малявку в симпатичной хрупкой блондинке выдавали только озорная улыбка да мандарин, который она протянула мне в качестве примирительного приза.

– Привет, Страйк. Помнишь меня? – спросила четким и красивым голосом, а я впервые рассмотрел цвет ее глаз

и завис, нырнув в темно-зеленый омут с янтарными крапинками.

Совершенно не к месту в голове промелькнули воспоминания из детства, никак не связанные с сидящей напротив девушкой. Я вспомнил, как ездил на все лето к бабушке на дачу. Наш уютный зелёный домик на две комнаты с голубыми резными рамами и крошечной пристроенной кухней, сирень под окном, деревянный забор, печку-буржуйку, уличный душ, печёную картошку, компот из клубники, кусты которой росли на заднем дворе, и старый сарай, где стоял проржавевший велосипед, доставшийся мне ещё от отца. Вспомнил деревенских мальчишек и как мы веселой шумной толпой наводили шороху на всю деревушку. Вкус тёплого козьего молока и мягкого белого батона из местного магазинчика, и тёплый шерстяной плед, которым накрывала меня бабушка, когда я засыпал там, где накрывала усталость. Вспомнил и горечь сожаления, когда приходило время уезжать обратно в город, и единственную осень, что провёл в деревне по давно забытой причине. Мои приятели по шумным играм разъехались, и в деревне стало тихо и малоллюдно, но я не скучал, придумав себе новое развлечение. Вспомнил свою первую удочку, подаренную мне соседом дядей Васей, и затянутый тиной деревенский пруд, где пропадал с утра до вечера, чтобы прокормить карасями всех животных, брошенных уехавшими в город соседями. Вспомнил прогнивший мостик и квакающих без усталости лягушек, тучи кровожадных

комаров, кружащих надо мной, и бабушкины пирожки с капустой, которыми я делился с местной дворнягой, не отходившей от меня ни на шаг. Вспомнил, как к концу сентября вся тина и муть внезапно пропали из пруда, сделав его похожим на изумрудное горное озеро с туристических открыток. Солнце ещё грело, золотые березы и осины любовались на себя в отражении темно-зелёной заводи, позволяя разгулявшемуся осеннему ветру срывать с ветвей желтые листья и бросать их на воду...

– Привет, Веснушка. А как же самолеты? – брякнул первое, что пришло в голову.

Это было по-настоящему странно и необычно. Я совсем ее не знал, но за секунды, что мы смотрели друг другу в глаза, увидел огромный отрезок из своего прошлого. Мне стоило задуматься, почему я напрочь забыл о сидящей рядом со мной подружке и о друзьях, с любопытством наблюдающими, как их никогда не лезущий за словом в карман приятель конкретно залип на блондинке-второкурснице в смешном васильковом платье с рюшами.

Мне стоило задуматься... Те образы, что всплывают в нашей голове, когда мы смотрим в глаза женщине, являются отражением чего-то важного и необъяснимого, не до конца осознанного, но уже необратимо пустившего свои ростки где-то глубоко внутри.

Она мелодично рассмеялась, склонив голову к плечу, и доверительно прошептала:

– Диплом врача не помешает мне летать.

– Действительно, – все еще находясь в необъяснимом ступоре, пробормотал я в ответ.

– Теперь я предпочитаю парашютный спорт, Страйк.

– И как?

– Без страховки, – снова расхохоталась Олеся. – Хочешь попробовать?

Кстати, в том пруду с зеленой водой и жёлтыми листьями я чуть не утонул. Не выдержали подпорки хлипкого мостика, и я провалился в глубину прямо в куртке, тёплых штанах и резиновых сапогах. Плавать я умел, но быстро намокшая потяжелевшая одежда камнем тянула ко дну. Меня спасла прикормленная верная дворняга, устроившая такой лай и вой, что на улицу выбежали все оставшиеся зимовать соседи. Конечно же меня спасли, высушили и обогрели, но я четко запомнил, как в какой-то момент испытал отчаянный ужас и обречённое смирение, заставившее опустить руки и перестать бороться. Оно продлилось доли секунды. А потом совсем близко прозвучали испуганные крики соседей, и инстинкт самосохранения включился заново. Наверное, поэтому я, не колеблясь, ответил:

– Не хочу, Веснушка. Диплом врача мне нужен, чтобы спасти жизни, а не рисковать своей.

– Пфф, а ты зануда, – фыркнула она, окинув меня скучающим взглядом.

Я конечно же захотел доказать наглой зазнайке, что это

не так, да так увлекся процессом, что расстался со своей подругой через пару дней, а уже через пару месяцев мы с Веснушкой в тайне от родителей стали жить вместе.

К счастью, до прыжков с парашютом дело так и не дошло. Наш роман продлился около года, на большее не хватило запала. Моего или ее – судить сложно. Мы слишком по-разному смотрели на многие вещи и жизнь в целом. Она – без тормозов, готовая ввязаться в любую авантюру. Сорваться из дома в три часа ночи, чтобы бежать спасать какого-то щенка из приюта или исчезнуть на сутки в неизвестном направлении, не сказав мне ни слова и игнорируя звонки и сообщения, а потом объявиться как ни в чем не бывало.

Сначала меня удивляло и восхищало ее патологическое стремление помогать всем и вся. Она состояла волонтером в поисково-спасательного отряде и в фонде помощи животным, подрабатывала на добровольческих основах в реабилитационном приюте для бездомных, занималась парашютным спортом, получала высшее медицинское образование и жила со мной. Возможно, именно то, что ее приоритеты были расстановлены в перечисленном порядке, постепенно и неумолимо подвело наши отношения к разрыву, а может быть, причина заключалась совсем в другом. Точнее, в ком-то другом, но об этом позже.

Мы расстались тихо, без скандалов. Мне предложили работу в Питерском онкологическом центре, а Веснушка осталась доучиваться в Москве. Мы потеряли друг друга на три

года, а потом снова нашлись...

В четвертый раз жизнь свела нас с Веснушкой в больничной палате. Я долго стоял перед дверью, не решаясь войти. У меня в руках была ее история болезни с подтвержденным диагнозом, а в кармане белого халата чертов мандарин, который я зачем-то туда положил, хотя знал, что цитрусовые ей категорически запрещены. В тот момент этот фрукт казался мне символом солнца, источника жизни и надежды на то, что мне удастся ее вытащить из цепких раковых клещей.

Я зашел бесшумно, осторожно прикрыв за собой дверь, и медленно, все еще страшась неминуемого разговора, направился к кровати, где опутанная капельницами, неподвижно лежала бледная тень от Веснушки. Ее глаза были закрыты, и я решил, что она спит, но уже в следующую секунду понял, что ошибся.

– Привет, Страйк, – узнав меня по шагам, пробормотала она тихо-тихо.

– Привет, – опустившись на стул, я взял ее белую холодную ладонь. – Знаешь, я, кажется, созрел на прыжок с парашютом.

– Без страховки? – уголки сухих губ дернулись, но сил на полноценную улыбку или хотя бы на то, чтобы открыть глаза, у нее не хватило.

– Без страховки не решусь, – поглаживая ледяные пальцы, ответил я. – Только с парашютом и самым лучшим инструк-

тором. Согласна?

– Решил меня угробить, Страйк? – она с трудом разлепила веки, а я снова упал в изумрудно-янтарный омут.

– Вообще-то я здесь с противоположной целью. Поможешь мне?

– Даже не надейся так легко от меня отделаться, – ее глаза совсем не изменились, как и сила духа, заключенная в съедаемом болезнью теле. – Ты принес мандарин, – втянув носом воздух, Веснушка все-таки умудрилась улыбнуться. У меня все внутри оборвалось, к горлу подкатил ком. Ну как так, бл*ь? Как так? Ярость потекла по венам, челюсть непроизвольно сжалась, но внешне я держался уверенно и спокойно. Выдержка, закаленная опытом, не подвела.

– Ага, – киваю с натянутой улыбкой, доставая фрукт из кармана. – Но ты его не получишь, пока не выпишешься отсюда.

– Боишься, что я залеплю тебе мандарином в лоб? – ее веки не выдерживают напряжения и обессиленно закрываются. – Хотя, знаешь, именно это я и сделаю.

– Злишься на меня?

– Размечтался, Страйк, – прошептала устало и совсем тихо добавила: – Тебе не повезло, что злость не сжигает раковые клетки. Придется потрудиться.

– Мы победим, Веснушка, – пообещал я и сдержал слово. Почти.

Часть 1 Без страховки

Глава 1

«Я чувствовал себя обманутым, одураченным и, как ни странно, обворованным. Что именно Веснушка у меня украла, я понял не сразу и даже не через год...»

Май 2015 Москва

Кравцов

Никогда не думал, что однажды меня так жестко переключит на девчонке, которую видел пару-тройку раз в жизни. Даже в дурном сне не мог представить, что этой девчонкой окажется та самая несносная Веснушка – любительница привлечь к себе внимание и устроить шоу при помощи одного единственного мандарина.

Может быть, дело вовсе не в ней, а в чертовом мандарине? Хотя кого я обманываю? Ее винтажное нелепое платье и обескураживающая наглость тоже произвели на меня неизгладимое впечатление.

Нет, ну надо же было так вляпаться! Жил себе спокойно, с самооценкой полный порядок, нехватки в женском внимании нет, внешностью Бог не обделил, с финансами все стабильно. Заканчиваю ординатуру, работаю, занимаюсь спортом, в меру начитан. Не олигарх и не мажор, на клубы

и шмотки зарабатываю сам. Если бы я встречался со всеми девчонками из тех, что не прочь прокатиться на моем Ягуаре (машина, кстати, подарок отца), мне бы не хватило дней недели для каждой. Поэтому я поступал проще – выбирал одну на неделю или две. Это как пойдет, а потом, охладев или перегорев, переходил к следующей. С последней – Ленкой Свиридовой – продержался целый месяц. Она очень старалась, в койке выкладывалась по полной, не доставала звонками и ничего, кроме моего регулярного участия в секс-забегах, не требовала, да и внешне вполне устаивала. Еще и на красный диплом идет. В общем, мечта, а не девушка. Мне все друзья завидовали. Да и я сам себе, а потом бац и как отрезало.

Резко, мгновенно. Вот Ленка сидит рядом со мной в университетской столовке, нашептывая на ухо, как планирует «развлекать» этой ночью, а я улыбаюсь от уха до уха, ощущая полную готовность к экспериментам. Как вдруг за наш столик, растолкав локтями моих друзей, усаживается смешно одетая блондинка с открытой задорной улыбкой и шальным огнем в зеленых глазах. Смотрит прямо на меня, без капли стеснения и неловкости. Так, словно мы сто лет знакомы, и она пи*дец как рада нашей встрече. Я сначала опешил, а когда блондинка протянула мне мандарин, окончательно завис.

– Привет, Страйк. Помнишь меня?

Конечно, я ее вспомнил. И так уж вышло, что пока вспо-

минал, Ленка вместе с моими приятелями-однокурсниками переместилась в параллельную реальность. А мы с Веснушкой остались. Это было похоже на гипноз, в который меня погрузили без спроса.

Неудивительно, что диалога у нас не сложилось. Она меня уделала на раз-два, воспользовалась, так сказать, синдромом внезапности. Обозвала занудой, выставила на посмешище и свалила. Я глазом не успел моргнуть, как преобразившаяся Веснушка исчезла из поля зрения, безжалостно выкинув меня во внезапно поблекший шумный мир, где и Лена Свиридова, и мои друзья стали казаться плоскими и неинтересными персонажами из какой-то чужой, не моей истории.

Я чувствовал себя обманутым, одураченным и, как ни странно, обворованным. Что именно Веснушка у меня украла, я понял не сразу и даже не через год... Осознание придет гораздо позже, а сначала было ощущение раздражения, злости и пустоты, а затем откуда-то взялась навязчивая идея доказать причёсанной чудачке без кудрей и веснушек, что она серьёзно ошиблась на мой счет.

Но для этой, мягко говоря, неблагородной цели мне как минимум нужно было ее найти. Что оказалось не такой уж простой задачей. Я знал ее имя, фамилию и даже отчество. Знал, что Матвеева Олеся Игоревна учится в нашем универе и довольно быстро выяснил курс и номер группы. Я (страшно поверить) выучил ее расписание и каждый день приезжал к концу последней пары, надеясь застать врасплох

точно так же, как она меня в столовой. В течение недели я приходил минут за пятнадцать до конца занятий и караулил Веснушку в коридоре возле аудитории. Она само собой ни разу не появилась. Может быть, прогуливала или болела, но мне уже стало казаться, что Матвеева специально издевается, хотя откуда ей знать, что я торчу в универе каждый день, с дебильной надеждой всматриваясь в лица хлынувшей в коридор толпы студентов. Я конечно же мог бы остановить кого-то из ребят и спросить, где их однокурсницу черти носят, а еще мог позвонить ее отцу и спросить номер телефона дочери. Это было бы просто и быстро, но не так, как я бы хотел, хотя и сам не до конца осознавал, что именно мне нужно от Веснушки.

Честное слово, так по-идиотски мне себя чувствовать еще не приходилось. Самое главное я прекрасно понимал, что творю какую-то дичь, бесился на себя, зарекался, что сегодня был последний раз, пытался отвлечься другими девчонками, катал их по городу, поил дорогим алкоголем, тащил в свою съёмную квартиру, а на следующий день за пятнадцать минут до конца последней пары уже был на посту.

К началу второй недели я почти отчаялся, но не смирился. Понедельник, вторник – ситуация не изменилась.

Сегодня среда, половина четвертого. Счастливая ватага будущих медиков минут десять как покинула стены универа. Среди них Веснушки, разумеется, нет. Злой, как черт, выхожу на улицу, с досады закурываю сигарету и, усевшись прямо

на ступенях, ищу в телефонном справочнике номер Игоря Матвеева. Поражение надо уметь принимать достойно, но у меня выходит так себе. Моему отцу Матвееву о звонке наверняка доложит, а тот матери, и начнутся вопросы и дурацкие теории.

– Привет, Страйк, – смеющийся голос невозможной и неуловимой Веснушки звучит прямо надо мной.

Сердце совершает опасный кувырок, прежде чем оголтело забиться под ребрами. Я задерживаю дыхание, тщетно пытаюсь отключить взбунтовавшиеся эмоции, чтобы презентовать себя, как полноценного брутала, а не мямлю, путающегося в словах.

– Папа не даст тебе мой номер, но я оценила попытку, – легкий шелест одежды, пряный аромат корицы, и она уже сидит рядом.

Практически плечом к плечу, бессовестно заглядывая в мой телефон. Пока я ищу в своем арсенале заготовленный остроумный дерзкий ответ для зарвавшейся пигалицы, Веснушка протягивает мне... нет, не мандарин, а наполовину съеденную шарлотку.

– Хочешь? – спрашивает она, перекидывая светлую копну волос на одно плечо, и до меня доносится новый запах.

Конечно же цитрусовый. Апельсин, грейпфрут и легкие нотки бергамота. Немного странно, что Веснушка пахнет, как ароматическое масло для сауны, но ей подходит. У меня начинается кружиться голова, словно я и правда оказался

в разогретой до ста градусов бане. Адски хочется на воздух и с головой нырнуть в холодный бассейн. Мне однозначно нужно остыть.

– Ну и ладно, мне больше достанется, – пожав плечами, девушка с аппетитом вгрызается в свой десерт.

Повернув голову, я смотрю, как она ест. В голове ни одной адекватной мысли, слова застряли в пересохшем горле. У нее пушистые пшеничные ресницы, капризно вздернутый нос и крошечная родинка на щеке. Раньше я ее не замечал. Наверное, из-за веснушек. Куда, кстати, они пропали? С ними мне было гораздо комфортнее, я их почти полюбил за то, что отвлекали внимание на себя.

– Ты... – все-таки мямлю, безбожно буксуя. А она ведь снова проделала тот же трюк, что и в столовой. Появилась, словно из другого измерения, или затащила меня в свое, опять без спроса.

– Я, Страйк, кто же еще, – жуя свою шарлотку, мычит она. – Курить вредно, – сморщившись, указывает на мою сигарету.

– Жить тоже вредно, – бубню в ответ, демонстративно затягиваясь.

– О, ты умеешь говорить, – Веснушка широко улыбается. Между ее передними зубами застряли крошки, на губах тоже несколько осталось. Мне дико хочется их стряхнуть, но она делает это сама. Вытирает рот салфеткой, в которую был завернут съеденный кусочек пирога, и отворачивается,

хлестнув меня по лицу своими волосами. Я инстинктивно втягиваю их аромат и в шоке от собственных реакций резко отстраняюсь. От греха подальше.

Достав из своей объемной сумки бутылку с минералкой, Веснушка предлагает мне первому утолить жажду. Видимо, мое расшатанное состояние легко считывается, иначе откуда столько понимания и сочувствия в зеленых глазах?

– Дашь мне свой телефон? – сделав пару жадных глотков, возвращаю бутылку Веснушке, жалея, что не она пила первой, тогда я мог бы почувствовать ее вку... Блин, Кравцов, завязывай уже. Совсем головой поехал, что за бред?

– Зачем? У тебя свой есть, а я помогаю только тем, кто находится в сложной жизненной ситуации. Прости, но ты к этой категории ни одной ногой.

– Чего? – я ни слова не понял из того, что она только что мне сказала. Черт, ее платье... Оно ужасное. Кукольно-розовое с оборками на рукавах и подоле, а еще голубой бант на талии и заколки-ягодки в волосах, и туфли... Белые лакированные лодочки, устаревшие на десяток лет. Да меня засмеют, если я где-то с ней появлюсь.

– Ты не только зануда, Страйк, но еще и тугодум, – она смеется так заразительно и громко, что спускающиеся по лестнице студенты начинают с любопытством поглядывать в нашу сторону. – Вижу, что помощь тебе действительно нужна, – Веснушка втыкает в меня еще одну шпильку. – Буду спасать, а то от заикания лечить придется, – бесцеремон-

но вырвав из моих рук мобильник, она с деловитым и жутко довольным видом забивает в контакты свой номер, подписывая себя настоящим именем, а потом зачитывает подробную инструкцию к действию: — Днем не звони мне, я не отвечаю. Можешь писать, если вдруг решишь блеснуть красноречием. Предупреждаю, мат и пьяные звонки не приемлю, голые фотки в полный рост тоже не интересуют. Сразу в бан. И больше не отслеживай меня. Я на свободном обучении. Выловить меня здесь очень сложно. Считай, что тебе сказочно повезло.

— А так можно? — в горле как будто что-то булькает. Не знаю, что за хрень такая творится с моим голосом. Она точно решит, что слабоумный. — Ну, на свободном обучении..., — поясняет «слабоумный тугодум». Все правильно. Я бы такой же вывод на ее месте сделал.

— Ну, мне можно все, Страйк, — игриво подмигнув, Веснушка резво вскакивает на ноги и снова собирается сбежать, на этот раз милосердно расщедрившись на прощальный воздушный поцелуй. Я ловлю его в кулак, как патлатый придурок из соплежуйской мелодрамы, приближаю к своему лицу и, раскрыв пальцы, запускаю туда облачко сигаретного дыма. Мой жалкий протест остается не замеченным, потому что Веснушки уже и след простыл.

Идиот, мог бы предложить подвезти ее до дома, как всегда опосля приходит умная мысль. Да я много чего мог предложить и сказать, но поезд ушел, точнее ускакал на невы-

соких каблучках допотопных туфель. Тем не менее шансы проучить вредную зазнайку выросли в разы. Теперь у меня есть ее номер, и больше не придется ошиваться под дверями аудиторий. Надо только кое-что поправить... Разблокировав потухший экран, я захожу в контакты и переименовываю Олесю на Веснушку. Вот теперь все правильно.

Сбежав по ступеням, прибодренный и в приподнятом настроении, бодро вышагиваю на парковку. Прикурив еще одну сигарету, прямиком иду к Ягуару. Горький дым неприятно обжигает легкие. Может, и правда пора бросить курить? Выбрасываю сигарету под ноги и медленно вдыхаю полной грудью. Совсем другое дело!

В воздухе стоит запах весны с примесью выхлопных газов. Небо хмурится, намекая на майский дождь, который вот-вот обрушится на город. Открыв дверцу, я запрыгиваю на сиденье и опускаю крышу. Хочу промокнуть до нитки, а потом забраться в горячую ванну и капнуть в воду пару капель эфирного масла с ароматом апельсина, грейпфрута и бергамота. Правда, сначала его придется купить...

Олеся

– Аделаида Степановна, так нечестно, вы все время выигрываете, – сокрушенно вздохнув, начинаю аккуратно убирать шахматы в коробку. Старушка в кресле напротив удовлетворенно улыбается, собирая вокруг рта глубокие морщинки. Вот уж кому старческая деменция не грозит. В сто

лет любому фору даст хоть в карты, хоть в шахматы.

— Это потому, что ты все время отвлекаешься, деточка, а шахматы требуют внимательности и усидчивости, но я тебя не ругаю. Сама была молодой. Ветер да любовь в голове, — похлопав по накрахмаленной скатерти сморщенными пальцами с безупречным маникюром, Адушка, так я называю свою подопечную за глаза, тяжело поднимается и, опираясь на трость, ковыляет к антикварному бельевому шкафу. Ему, наверное, столько же лет, сколько и хозяйке, или даже больше. Трещины, словно морщины, прорезают лакированные дверцы, петли скрипят, как изношенные суставы, а внутри аккуратными рядами сложены опыт и мудрость.

Удивительно, как предмет мебели порой гармонирует со своим владельцем. Старый Адушкин шкаф, словно сундук со сказками, хранит в себе бесконечное множество захватывающих дух историй. И похоже, сейчас меня ждет еще одна. Я не против, устраиваюсь поудобнее и в предвкушении наблюдаю за аккуратной маленькой старушкой. С виду никогда бы не дала Аделаиде Степановне ее почтенный возраст. В ясном уме, всегда одета как на выход, с прической, накрашенными губами и подведенными бровями, а клюка только в этом году появилась. Она рассказывала, что еще прошлой зимой на лыжах каталась, и у меня нет причин сомневаться в ее словах.

Нащупав в кармане потемневший от времени ключик, Адушка подносит его к заветной скважине и оборачивается

с хитрым прищуром:

– Я говорила, что надевала это платье на первое свидание с моим офицером? – она имеет в виду мой сегодняшний наряд, в котором мне на удивление комфортно. Платье и правда сшито словно на меня и выглядит совсем, как новое. А то, что оно из другой эпохи, для меня несомненный плюс. Безумно нравятся мне вещи с историей и люди, умеющие рассказывать истории так, как это делает Адушка.

– С тем, что потом стал полковником? – кивнув, уточняю я.

– Полковником был второй муж, – поправляет Аделаида Степановна, показав на фото в рамке на единственной свободной от пыльных ковров стене. Я предлагала Аделаиде отправить ковры в химчистку, но она наотрез отказалась. Без объяснения причин. – Мы прожили вместе тридцать восемь лет, – продолжает она свой рассказ. – Для кого-то целая жизнь, а для меня, как мгновенье, годы пролетели. Иногда ругались так, что стены дрожали, но я всегда знала, как держать его в кулаке, – боевая офицерская вдова демонстрирует мне сжатый кулак. – Вот он у меня где был.

– А что случилось с первым мужем?

– Погиб в сорок втором, – отвернувшись, горько вздыхает Адушка и снова скрежещет ключом в замочной скважине. – Федор был летчиком, одним из лучших. Настоящий ас, но война, Лесечка, не делит людей на лучших и худших, все гибнут, без разбора. И стар, и млад, и рядовой, и генерал,

перед снарядом все равны. Богу-то сверху виднее, кто ему вперед нужнее.

Я молчу и слушаю, не влезая со своим мнением. Где Адушка с сотней лет опыта и мудрости за плечами, а где я, девятнадцатилетняя студентка, которая и жизни-то толком не видела.

– Мы с Федей мало прожили. Если посчитать, то даже года не выйдет. Я горевала по нему, но больше по себе. Живым всегда тяжелее.

– А офицер откуда взялся? – немного запутавшись, любопытствую я.

– А офицера, Лесечка, я любила так, как не любила обоих мужей сразу. И вот это платье я надела на наше с ним первое и последнее свидание, – Адушка поворачивается ко мне с вешалкой, на которой я вижу изумительное белое платье в крупный горох. Длинное, приталенное, с рукавами-фонариками, глубоким декольте, прикрытым кружевами ручной работы, и широким подолом. – Нравится? – лицо старушки светится от нахлынувших воспоминаний, глаза горят, а губы кривятся в задумчивой улыбке. Она даже помолодела, скинув пару десятков лет.

– Очень, – восторженно выдыхаю я. – Оно невероятное, Аделаида Степановна, как из советского журнала мод.

– Я та еще модница была. Не зря же училась на портниху. Мои подруги от зависти локти кусали, но я на заказ так ни одной и не сшила, хотя просили слезно.

– Вы сами шили свои платья? – изумленно открываю рот, не в силах оторвать взгляд от вешалки. Ужасно сильно хочется потрогать ткань, погладить пальцами кружева, ощутить, как шуршит подол при ходьбе.

– Сама, больше никто так не умел, – приосанившись, горделиво отвечает Адушка. – Примеришь? Тебе должно быть в пору, но сразу предупрежу, что оно только для особенного мужчины. Счастливое платье, Лесечка. Бери не пожалеешь, – щедро предлагает Ада, заставив меня покраснеть от смущения.

– Я не могу... не удобно. Вы и так мне на прошлой неделе подарили платье, – провожу ладонями по коленям, разглаживая складки на розовом подоле. – Я в нем сегодня такой фурор произвела, все прохожие оглядывались.

– Бери, говорят, – бурчит Аделаида Степановна, зыркнув на меня грозным взглядом. – Ишь какая гордая. Не может она.

Прогрохотав тростью, женщина приблизилась ко мне и всучила в руки счастливое платье, а потом погрохотала обратно к шкафу, распахнула шире и, побряхтев, нагнулась к нижним полкам, а я аж зажмурилась от удовольствия, вцепившись в наряд обеими руками. Ну как тут отказать? Особенно, если очень сильно хочется прямо сейчас нарядиться и покружиться вокруг себя.

– И туфли еще возьмешь, и сумочку, и брошь где-то была. Мамина с орхидеей, – перечисляет Адушка, доставая одну

коробку за другой.

У меня голова кругом идет, когда мы начинаем рассматривать, что в них припрятано. Глаза разбегаются, словно передо мной сокровища рассыпали, а это и есть сокровища. В те года немногие могли себе позволить подобное изобилие.

– Не хочешь носить, выкини или в музей сдай. Мне, старухе, все это барахло хранить не за чем, – время от времени бормочет под нос Аделаида Степановна.

– Какая же вы старуха...

– И не лсти, Олеська, выгоню, – грозит Адушка, а сама улыбается, глядя, как я бережно перебираю в пальцах бусы из белого стекла. – Подумаешь, другую девчонку пришлют за старухой присматривать. Она уж точно разберется, куда мое богатство выгодно пристроить. А вот и брошь. Серебряная, – в мою ладонь ложится украшение тонкой ручной работы. Красивое, глаз не оторвать. Настоящее произведение искусства. Каждый лепесток вырезан со скрупулёзной точностью и голубые капельки росы совсем, как настоящие. – Да не бойся ты. Стекло это. Я еще не совсем из ума выжила, чтобы драгоценности разбазаривать. Брошь отец мой делал. Он у меня ювелиром был потомственным. Руки золотые, а сердце больное. Умер рано, я в школу только пошла. Мать белугой ревела, а потом попрятила все его подарки, я вот сохранила. Тебе отдам, может сгодится.

– Я ничего не возьму, если про своего офицера не расскажете, – положив брошь в коробочку, упрямо трясла головой. –

Даже не уговаривайте, и угрозы ваши не сработают. А еще я чай вам заварю с мятными пряниками. Будете?

— Ну что с тобой делать, любопытная стрекоза? Неси свой чай, а потом так и быть расскажу тебе про моего Ганса, — беззлобно ворчит Адушка, откидываясь на спинку кресла и устремляя взгляд в окно, за которым разыгралась первая майская гроза.

Упругие струи дождя без устали барабанят в дребезжащее стекло, создавая особенный уют в небольшой комнатке с тусклым желтым светом, пестрыми коврами и черно-белыми фотографиями на стенах. Я расставляю на столике фарфоровые чашки из ленинградского сервиза, сохранившегося почти не тронутым с советских времен, незаметно двигаю блюдце с пряниками поближе к хозяйке квартиры. Свежие, мягкие, ароматные. Аделаида Степановна еще в первую встречу предупредила, чтобы я не вздумала покупать имбирные, шоколадные и с прочей начинкой. Только мятные и точка. Как тут было не запомнить. С суровой и боевой Адушкой шутки плохи. До меня от нее отказались пятеро соцработников и одна наша девчонка из благотворительной программы универа. Пришлось мне принять огонь на себя и пытаться искать общий язык со сложной сварливой старушкой. Мы с ней не сразу сладились, сложно человеку в таком возрасте, прожившему в одиночестве много лет, посторонних людей в свой дом пускать, даже под предлогом помощи. Но нельзя человеку стареть в одиночестве, сердце черствеет. Да и надо

то было всего ничего. Немного терпения, внимания и участия проявить. Не прошло и двух недель, как недоверчивая бабулька оттаяла. Я теперь к ней, как к родной, иду, а она мне, как родной, радуется.

– Познакомились мы, Лесечка, на свадьбе, в мае сорокового. Я девчонка совсем, семнадцать лет, а ему уже хорошо так за двадцать. Невеста Арина Воронова моей соседкой была, а он, значит, жених. Вот так мы с Гансом и встретились. Как взглянули друг на друга, так и полюбились. Он за всю свадьбу на невесту и десяти раз не посмотрел, с меня глаз своих черных, окаянных не сводил. Я, дура глупая, и растаяла. Красивый, статный, плечи, как у богатыря, и улыбка, как у кота мартовского. Как тут голову не потерять? – Аделаида Степановна замолкает на самом интересном, хитро поглядывает на меня, наблюдая за реакцией. Неторопливо макает в чай мятный пряник, откусывает, тщательно разжёвывает, чаем запивает...

– Адушка Степановна, а дальше что? – заерзав от нетерпения, спрашиваю я. – Почему Ганс-то? Немец что ли?

– Ганс Леманн. Чистокровный немец, – кивает старушка, а потом начинает говорить, заставив меня забыть о времени и бушующей непогоде за окном. – Он в Москву учиться приехал, заканчивал последний курс, хотел здесь обустроиться, семьей решил обзавестись, корни пустить, а я ему как снег на голову прямо на свадьбе свалилась. Адушка..., так он меня и называл. Ласково так, что душа пела. Мы тайком с ним

по закоулкам встречались. Скрывались ото всех, маялись, страдали. Ганс с Ариной разводиться собирался, опостылела она ему. И развелся бы, да не успел. Война нагрянула. В августе сорок первого его в Германию выслали, а я осталась, – Аделаида Степановна горестно вздыхает, протирая платком повлажневшие глаза. – Платье, что у тебя в руках, я два раза всего надела. Первый, когда мы с ним о свидании сговорились, а второй, когда на поезд его провожала. Арине он не сказал, что уезжает, а при проводнице меня женой называл, я и была ему женой по сердцу и душе. Мы на перроне, как дети, плакали, обнимались до хруста костей, целовались, пока дыхания хватало. Ганс писать мне обещал, но какие тогда письма могли быть? Он для наших враг, фашист, а я русская. Выжить бы и с голоду не умереть и то счастье.

– И вы так больше никогда не встретились? – любопытствую с замиранием сердца. Так растрогалась, что у самой глаза на мокром месте.

– Никогда, – качает головой Адушка. – Ни одной весточки с тех пор. Погиб, наверное, как многие в ту страшную войну. Офицер же, воевать поди отправили. Я тогда для себя решила, Лесечка, что раз не судьба нам, значит, дальше надо жить.

– Но не забыли его?

– Не забыла, – всхлипывает грозная боевая вдова полковника. Слезы катятся по напудренным щекам, и я вместе с ней рыдаю. – Увез немецкий офицер мое сердце в фашистскую Германию, да там и похоронил где-то рядом с собой. Я и жи-

ву так долго, Лесечка, оттого, что болеть больше нечему. Окаменела словно изнутри, но ты меня жалеть не вздумай. Я хорошую жизнь прожила и мужей своих уважала и ценила, виду ни разу не подавала, что они мне не любы. Все у меня было, и любовь, и счастье, и война, и голод, и победа, и мир успела посмотреть, и людей достойных на своем веку встретила. Деток только Бог не дал, а в остальном грех жаловаться.

– А может быть, он выжил? Вдруг какие-то письма сохранились...

– Не может и не вдруг. Мы с Гансом в другом мире встретимся, а в этом я его отпустила, – отрезает категоричным тоном Аделаида Степановна. – Скажи-ка мне лучше, как французский Мартын твой поживает?

– На личном фронте без изменений, – уклоняюсь от прямого ответа. К сожалению, моя любовная история куда банальнее только что услышанной. Виктор Мартен действительно француз по отцу и по совместительству мой куратор в благотворительном фонде «Содействие», куда я вступила в качестве волонтера три года назад. Два из них тайно сохла по высокому знойному красавчику куратору, но, когда чудо случилось и Вик обратил на меня свое внимание, я слегка растерялась. Реальность не совпала с моими розовыми мечтами, разочаровав по всем направлениям. После того, как мы переспали, Виктор заявил, что не готов к серьезным отношениям, но не против иногда «отдохнуть» вместе,

без обязательств и претензий. Возможно, его напугала моя девственность, и он решил, что я теперь непременно потребую от него поход в ЗАГС, а может, просто не хочет ограничивать свою свободу одной девушкой. Впрочем, это даже к лучшему. Я благодарна Виктору, что избавил меня от иллюзий еще на старте, потом было бы большее и обиднее.

– Даже не вздумай мое платье на свидание с лягушатником надевать, – снова ворчит Адушка. Мягко улыбаюсь старушке, думая о том, что Вик бы даже иногда «отдыхать» со мной расхотел, если бы я явилась на встречу в наряде Аделаиды Степановны. – Прибереги его для кого-то стоящего, – доверительным шепотом добавляет пожилая женщина.

– Приберегу, – обещаю я, в глубине души очень сомневаясь, что этот «стоящий» когда-нибудь появится.

В общежитие я возвращаюсь с большим пакетом и блуждающей улыбкой на губах. На душе и грустно, и одновременно светло. Хочется взять блокнот и быстрее записать всё, пока не забыла. Ох и офицер, ну и Адушка. Вот это история бы вышла! На разрыв сердца. Кино можно смело снимать. Как же сильно надо любить, чтобы больше восьмидесяти лет помнить? Как Адушка сказала? «Похоронил мое сердце рядом с собой». Я чуть слезами не умылась. И больно, и завидно, и страшно. Такая любовь не каждому дана, для нее смелость и характер нужны. Слабый человек не вынесет, сломается, а я бы смогла. Точно бы смогла, лишь бы

взаимно, по-настоящему.

Убрал подарки в шифоньер, аккуратно снимаю промокшее платье и вешаю его на плечики, и цепляю крючком за дверцу. Туфли ставлю в тумбочку, они, как ни странно, сухие. Варька, моя соседка по комнате, снова ночует у своего парня, и я могу спокойно растянуться на своей кровати в одном нижнем белье. Закрыв глаза, закидываю руки за голову и под аккомпанемент затихающего дождя снова и снова прокручиваю в памяти услышанную историю. Горько-сладкое послевкусие настолько осязаемое, что даже вечерний кофе приходится отменить, и я впервые за долгое время не планирую список своих дел на завтра, остаюсь в настоящем моменте, в вечернем сумраке, обласканном выскользнувшей из-за туч луной. В груди кипит и плачет, и снова мечтать хочется, но уже не о своем красавце кураторе. Сигнал доставленного сообщения нарушает мою ночную меланхолию, и я лениво тянусь за телефоном.

Неизвестный номер: Мне нравились твои веснушки. Куда дела?

Черт, Страйк. Совсем про него забыла. Вот идиот, неужели ничего умнее придумать не мог? Прицепился же на мою голову. Хотя, если взглянуть на него объективно, он очень даже ничего, и это еще скромно сказано. Кравцов из породы мужиков, которым нет нужды заморачиваться поиском девушки для разового «отдыха», они сами под него штабелями ложатся, а потом, наверняка, добавки просят. У Страйка

еще в подростковом возрасте был «кобелиный» взгляд, из-за которого от моих метких попаданий пострадали две официантки. Он мне, кстати, жутко не нравился. Высокомерный, тщеславный говнюк. Сейчас Кравцов точно такой же, совсем не изменился, но отстреливать его девок желание отпало. Мне немного льстит, что я) наконец-то привлекла его внимание, и самую чуточку любопытно, чем может закончиться наше общение, если, конечно, я ему отвечу. Страйк – точно не тот «стоящий» парень, о котором толковала Адушка, а еще один любитель свободных отношений мне не нужен. Виктор в этом плане гораздо удобнее и безопаснее. К тому же Вик моложе Страйка лет на пять, а значит, не так безнадобен. С другой стороны, я никому ничего не должна. Виктор сам предложил «без обязательств». Мне девятнадцать – это возраст, когда можно и нужно совершать ошибки, набивать шишки и творить всякие глупости. Потом можно просто не успеть...

Тяжело вздохнув, я на свой страх и риск все-таки записываю номер Кравцова в контакты.

Я: Веснушки сами кончились. Насчет «нравились» не верю. Помню, как ты брезгливо морщился и нос воротил каждый раз, когда меня видел.

Страйк: Тебе показалось, Веснушка. Ты была очень милым ребенком. Просто я тогда выбирал девушек постарше, а избалованные малявки самую малость раздражали.

Я: Ты безнадобен, Страйк. Доброй ночи, – пишу, а сама

улыбаюсь от уха от уха.

Страйк: Подожди. Вторую попытку можно?

Я: С чего бы?

Страйк: Ты не шутила про прыжки с парашютом?

Я: Нет, а ты решил попробовать?

Страйк: Честно? Мне слабо. А ты смелая. Если не против, я хотел бы посмотреть, как ты прыгаешь.

Я: Ты меня даже не разглядишь, Страйк. Это провальная вторая попытка.

Страйк: Третью можно?

Я: Валяй. Я сегодня добрая.

Страйк: У меня вторую неделю бессонница. И все из-за тебя.

Я: Мне тебя пожалеть? Ты же врач, выпиши себе снотворное.

Страйк: Лучше пожалеть. Так меньше вреда для здоровья. Мне, чтобы работать, ясная выпавшаяся голова нужна. Ты, вообще, в курсе, что я людей лечу?

Я: Уже? А я думала, что ты до сих пор утки из-под больных выносишь и перевязками занимаешься, – быстро стро-чу я, высунув от усердия язык.

Страйк: Я ординатуру заканчиваю через месяц, и третий год работаю в онкологическом отделении. Пока в должности помощника хирурга, жду перевод с повышением, – исчерпывающе отвечает Кравцов после непродолжительной заминки, и я тоже на время подвисаю. Неудачная шутка получи-

лась, но он сам виноват.

Я: Серьезный выбор. В онкологии врачи выгорают быстрее, чем где-либо, – спешно реабилитируюсь я.

Страйк: Так я уже начинаю тебе нравиться? – он добавляет подмигивающий смайл и сердечко. Боже, сколько лет этому горе-ординатору? Интересно, он со своими пациентами такой же? Или это только мне повезло непонятно за что?

Я: Скажем так, третья попытка дала надежду на то, что четвертая не провалится.

Страйк: Лесь, может я что-то пишу не так, но клянусь, что впервые так долго переписываюсь. Я в этом полный ноль. Научи, исправлюсь.

Я: Кто тебе разрешил сокращать мое имя? Ты меня удивил, Кравцов. Считала, что у тебя опыта немного побольше, чем полный ноль.

Страйк: С опытом все нормально, ОЛЕСЯ. Кстати, ты знаешь, что мы тезки?

Я: Тебя Олесь зовут?

Страйк: (смеющийся смайл) Твое имя происходит от древнегреческого Александра, что означает защитница. Не благодари.

Я: Ты это только что загуглил?

Страйк: Нет, мою старшую сестру звали Олеся. Ее крестили, как Александру.

Я: Звали?

Страйк: Она умерла. Давно.

Я: Похоже, на этот раз я постоянно пишу что-то не то. Прости, не знала... – внутри появляется щемящее чувство. Неловкость, растерянность, глубокое сочувствие. Почему мои родители никогда не говорили, что у Кравцовых была дочь? Они не могли об этом не знать.

Страйк: Мы об этом не распространяемся, – с тяжёлым сердцем я читаю ответ на свой мысленный вопрос.

Я: Что случилось? Можешь не отвечать...

Страйк: Давай закроем тему, – просит Кравцов, и мне становится еще больше не по себе.

Я: Мне правда неловко, – признаюсь открыто и абсолютно искренне.

Страйк: Все нормально. Чем занимаешься? – он к счастью меняет тему, и я с облегчением выдыхаю.

Я: Валяюсь в кровати и переписываюсь с очень странным парнем.

Страйк: Может, прогуляемся? Странный парень приедет в любое место. Только свисни.

Я: Свисток потеряла... – бросаю взгляд на часы. Половина одиннадцатого. – Почти ночь. Кравцов, ты ненормальный?

Страйк: Не поверишь, сам каждый день задаю себе этот вопрос. Тогда завтра?

Я: Завтра не получится, буду занята до вечера.

Страйк: А когда ты не будешь занята до вечера?

Я: Ты подозрительно настойчив. Мне надо волноваться?

Страйк: Очень хочу, чтобы ты волновалась из-за меня,

ОЛЕСЯ.

Я: Какой-то дешевый подкат, Кравцов, и вовсе необязательно мое имя писать заглавными буквами. Давай на сегодня закончим. Устала дико, глаза слипаются, пальцы не слушаются. Доброй ночи и крепкого здорового сна.

Страйк: Спасибо, буду спать, как младенец. Напишу завтра, Веснушка.

Я вряд ли отвечу, – ухмыляюсь про себя и прячу телефон под подушку. Закрыв глаза, по привычке пытаюсь воссоздать в памяти лицо своего парня, но воображение на этот раз вероломно дает сбой, и вместо сероглазого шатена, по которому одержимо сохну больше двух лет, я вижу самодовольную наглую физиономию Кравцова с заносчивой ухмылкой и похабным взглядом черных глаз. И снова меня охватывает этот странный мандраж, как во время переписки. Глупая улыбка растягивает губы, в животе предательски теплеет. Стыдно признаться, но в нем есть что-то такое... Не, так не пойдет!

Прочь из моих мыслей, Страйк!

Брысь, я сказала!

Ну, пожалуйста...

Ладно, хрен с тобой. Оставайся. Все равно ты никогда не узнаешь, что я с тобой творила этой ночью. В своих фантазиях, разумеется.

Глава 2

Кравцов

– Слушай, я для кого этот центр развивал? Столько лет и сил угробил? Ты хоть понимаешь, кто наши пациенты? И какие деньги ты можешь там зарабатывать? На кой хрен ты в онкологию поперся? Хирурга, бл*ь, гинеколога в нашей семье еще не было. Выделиться решил? Тебя пока до серьезных операций допустят, поседеть успеешь, а тут все уже готово. Приходи и работай, – люгует отец, меряя шагами гостиную. Мама только за сердце хватается, вжавшись в спинку белоснежного кожаного дивана. Ничего нового. Как Кравцов-старший беснуется, остальным только по углам прятаться остается.

– Пап, давай не начинай. Тебе о моем решении давно было сказано. Я еще и в аспирантуру пойду, а ты дальше силикон в сиськи и задницы закачивай и панику не разводи на пустом месте, – мне каким-то чудом удается не сорваться и выдержать спокойный уверенный тон.

Вот тебе и отцовская гордость, и поддержка. Зашибись у нас семейка. Мать всю жизнь в анестезиологах продержал, хотя она могла покруче карьеру построить, но нет, Сереже надо помогать, а Сережа хрен на нее забил. Живет на две семьи и в ус не дует. Главное, все в курсе, включая законную жену, но делают вид, что это норма в современном обществе.

– Ир, ты посмотри на этого идиота, – изрыгает отец гром и молнии, а на деле впустую сотрясает воздух. – Ученую степень он захотел. Напомнить, кто тебя содержал, за учебу платил, пока ты по клубам и бабам шарился? А теперь самостоятельный стал? Не припозднился, Саш? Я в твои двадцать семь частный медицинский центр уже открыл, дом этот отстроил, дерево посадил и сына родил, а ты до сих пор на папкиной машине едешь, герой.

– Сам родил или помог кто? – потеряв переносицу, остужая отца ледяным взглядом. К подобным выбросам «праведного негодования» родителя мне не привыкать. Манера воспитания у него такая, как котёнка в каждый угол носом тыкать и попрекать. Если в рот ему не смотришь и не киваешь, значит, дурак. Дед дома в семье такой же бешеный был, зато в клинике психиатрии Корсакова его запомнили как исключительно внимательного психиатра. Яблоко от яблони, как говорится, но я надеюсь, что подальше упал.

– Сереж, ну пусть Саша попробует..., – пугливо мяукает мама с дивана. Заступница, блин, выискалась.

– А ты вообще рот закрой, пока я с сыном разговариваю. Это ты из него недомужика вырастила, пока я на вас всех пахал, – как и ожидалось, матери тоже щедро «прилетает».

– Мать не трогай, – уже по привычке принимаю мамину сторону, встаю между ними, загораживая собой. – Она ни дня без работы не просидела. Меня и в декрете левые тетки нянчили, пока она тебе в задницу дула. Но ты и при та-

ком присмотре умудрялся пациенток и медсестер над своим столом нагибать.

– Саша, ты как с отцом... – ошарашенно шепчет мама.

Вот и жалко ее, и встряхнуть иногда хочется, да только бестолку все. Они оба, как в броне, дальше которой видеть ничего не хотят.

– Воспитали сынка на свою голову! – побагровев, рывкает отец, а у самого глаза трусливо бегают. Правда она такая, слушать тяжело, а опровергнуть аргументов не придумал еще. Остается только на оскорбления переходить, да кулаками махать.

– Уж какой есть. Не устраиваю, пусть Юлька твоя нового родит. Может, успеешь еще воспитать, а я как-нибудь сам, – высказавшись, с чувством неимоверного удовлетворения толкаю стеклянную дверь на террасу и выхожу из смердящей лицемерием гостиной.

Закуриваю, упираясь локтями на перила, смотрю на цветущий сад. Денек изумительный выдался, на небе ни облачка, солнце жарит, соловьи поют, сирень и жасмин благоухают. Если бы один старый мудак настроение не подпортил, в Завидное бы с друзьями на шашлык рванули, а теперь никакого желания. Понесло же идиота в выходной предков навестить. Вместо душевных семейных посиделок дерьма ведро вылили, стою, обтекаю, видом, сука, любуюсь. Сквозь трели птиц и шелест листвы слушаю доносящиеся из дома вопли отца и рыдания матери. Классно отдыхаю, всем на за-

висть.

Минут через пять маме все-таки удастся его уговорить, и он как обычно ее парламентёром отправляет, разгребать все, что наворотил.

– Саш, ты не сердись на него. Сережа не со зла. У него неделя сложная выдалась. Зашивается. Игорь в отпуске, а весной наплыв клиентов. Кому грудь, кому талию. Время такое. Купальный сезон на носу, – чуть осипшим от слез голосом застывает она за своего кобеля. – Он отойдет, знаешь же. Я горжусь тобой очень. Правда, горжусь, – последние фразы шепотом, чтобы отец не услышал.

– Знаю, мам, – ухмыляюсь с горечью, выпуская в сад струйку дыма. – Поеду к себе, наверное. Звони, если на него опять накатит. Приеду, разберусь. И прекрати уже стелиться перед ним. Смотреть не могу, как он ноги об тебя вытирает, до дыр уже стер.

– Я не стелюсь, Саш, – оскорбляется мать, а я вспоминаю седины в ее волосах и до ломоты в кулаках хочу прибить одного стареющего козла. – У твоего отца не всегда был тяжелый характер. Это он после Олеси озлобился, а до этого хорошо же жили.

– Да не жили вы хорошо. Мне-то хоть не ври. Хочешь, я тебя заберу? – поддавшись порыву, предлагаю я. – У меня две комнаты, сам домой только спать прихожу, отдохнешь, развеешься, себя в порядок приведешь, и отец, может, одумается, соскучится.

– Не могу я без него, сынок, – обняв меня со спины, говорит она то, что я и так знаю. – И тебе обузой быть не хочу. Ты молодой еще, не понимаешь много. Твой отец знаешь какой бывает... Редко, правда, но лучше так, чем одной.

– Подумай хорошо, мам, – настаиваю я. – Мое предложение бессрочное. В любое время. И ты не одна, я у тебя есть.

– Спасибо, милый, – поцеловав меня в плечо, всхлипывает мать. – А отец... он ведь тоже без меня не выживет. Я это точно знаю. Поэтому и терплю.

– Странные вы, родители, – тяжело вздыхаю я. – Но других уже не будет. Поэтому и терплю.

– Язвишь, – слышу ее улыбку и немного расслабляюсь. – Останься на ужин. Матвеевы придут. Игорь барбекю приготовит, я плов сделаю.

– Одни придут? – ощутив предательский толчок в груди, интересуюсь чуть севшим голосом.

Веснушка, зараза бесячая, второй день подряд меня игнорирует. Ни трубку не берет, ни на сообщения не отвечает. Или цену набивает, или я не такой уж охеренный, как заверяли мои бывшие.

– Вроде одни, – растерянно отвечает мать. – Отец остальных друзей всех распугал, а Игорь держится, потому что деваться некуда. Работают вместе.

– Понятно, – разочарованно говорю я. – Нет, все-таки поеду, а вы тут сами.

– Зря, хорошо бы посидели. Ночевать бы остался, в бане

попарился. Ты когда в своей комнате спал в последний раз?

– В прошлый новый год, когда вы с отцом в Европу гоняли, – припоминаю я, невольно улыбаясь. Отметим мы с друзьями тогда на славу. Полдома разнесли, еле успели к приезду родителей все следы замести. – Извини, мам, телефон, – почувствовав вибрацию мобильного в кармане джинсов, оборачиваюсь и показываю взглядом на дверь. Мама понимающе кивает и выходит с террасы.

Друзья, наверное, меня потеряли. Договаривались в пять в Глобусе закупаться, а сейчас уже шестой час. Тяжело вздохнув, готовлюсь отбиваться и, не взглянув на экран, отвечаю на звонок.

– Как твоя бессонница, Кравцов? Не разбудила? – жизне-радостно щебечет в динамике мелодичный голосок Веснушки.

Ну ни хрена себе, а я уже в утиль себя списывать собрался. Решил, что хватку потерял и харизму где-то пропил. А нет, рано еще список женских имен прорежать. Совсем скоро новое добавится.

– Да, нет. В магазине стою, свисток тебе выбираю, – сегодня у меня с голосом полный порядок. То ли переписка помогла, то ли на отце натренировался. – А ты, смотрю, свой нашла. Свистнешь или все-таки геолокацию скинешь?

– А если я поболтать? – спрашивает Веснушка сквозь смех. Рассмешить получилось, осталось очаровать и соблазнить. А жизнь-то налаживается, и вечер обещает быть не со-

всем пропащим.

– Болтай, – благосклонно разрешаю я. – Минут пять у меня есть.

– Я тут слышала краем уха, что мои к твоим в гости собрались... – начинает она издалека.

– Есть такое дело, – слегка напрягаюсь я.

– Ты же про меня ничего лишнего не сболтнул?

– Смеешься, Олесь? – да она охренела. Нашла, блин, сплетника. – Ты со своими много чем делишься?

– Ну мало ли...

– Что значит мало ли?

– Ты сегодня какой-то злой, – тоном миротворца замечает Матвеева. – Случилось что?

– Ага, – киваю я. – Ты случилась.

– И как? Тяжелый случай?

– Неоперабельный, – скорбно выдыхаю.

– Ладно, уговорил, – хохочет Олеся. – Лови геолокацию, а то помрешь еще, а мне живи с этим грузом.

Я не верю своим ушам, а потом и глазам. Она действительно отправляет свое местоположение. От меня до нее гугл-карты рисуют тридцать минут езды. И даже пробок нет. Для вечера субботы – это фантастическое везение. Мне однозначно сегодня прет. Скандал с отцом мгновенно забыт, не попрощавшись с родителями, почти вприпрыжку несусь к машине, опасаясь, что, если не поспешу, Олеся передумает. С нее станется. Шальная на всю голову.

Выехав за территорию коттеджного поселка, запоздало вспоминаю, что сгоряча хотел вернуть отцу ключи от Ягуара. Хорошо, что удержался. Хрен ему. Это моральная компенсация за безрадостные детство и юность. Через пару минут я уже мчусь по МКАДу, пытаюсь придумать, куда поведу Веснушку. Как назло, в голову ничего оригинального не идет. Ресторан – банально, в парк – скучно, к себе – рано. Пока гадаю, перебирая варианты, она снова звонит.

– Буду у тебя через тринадцать минут, – отчитываюсь я.

– Я как раз в кофейне кекс доедаю, а мы, вообще, куда пойдем или поедем? – уточняет она, судя по звукам, не переставая жевать.

– Меня друзья в Завидном ждут, – выдаю, как на духу. Пошлет, так пошлет, сама пусть тогда программу развлечений выбирает. – Мы там шале у озера на сутки сняли. Баня, купель, шашлык, места красивые.

– Знаю, была там, – беспечно отзывается Олеся. – Раз друзья ждут, надо ехать.

– Ты не против?

– Нет, – в ее голосе слышится удивление. – Или вы там проститутток планировали?

– Спятила? Стал бы я тебя звать.

– Ну кто тебя знает, – усмехнувшись, тянет Олеся. – В наше время ничему удивляться нельзя.

– Ты же слышала, что мы на сутки едем? – уточняю на всякий случай. – То есть с ночёвкой.

– Я не глухая, Саш. С ночевкой, так с ночевкой. Я давно на природе не была, подышу свежим воздухом, выплюсь, утром птичек послушаю. Ты, кстати, не хранишь?

– Нет, – обескураженно отзываюсь я. – Ты со мной спать собралась?

– А там кровати свободные есть?

– Нет, – теперь я в полном ступоре. Она прикалывается или всерьез?

– Значит, с тобой придется спать, – невозмутимо заявляет Веснушка. – Да не бойся, Кравцов, насиловать не буду. Я девушка порядочная, – снова смеется и сбрасывает вызов.

Все-таки угодив в стихийную пробку, я паркуюсь у кофейни с опозданием на десять минут. «Порядочная девушка» ждет меня на тротуаре в короткой юбке, босоножках на высоченной платформе и в топе с надписью: «Дам поддержать за 100\$». Не выше, не ниже, а через всю грудь. И, похоже, лифчика под топом нет. Трындец, она точно издевается. Заглушив двигатель, ошалело пялюсь на нее минуты две или больше, прохожие головы сворачивают, кто-то даже проверяет бумажник на наличие долларов, а она, стоит как ни в чем не бывало, улыбается, жвачку жует. На одном плече рюкзачок, на сгибе локтя джинсовый пиджак и боевой крас на лице а-ля Клеопатра со стрелками до висков и красной помадой.

Может, уехать, пока не поздно? – приходит здравая мысль. Чую, добром все это не кончится. Она мне уже мозг

взорвала. Страшно представить, что дальше будет. Но в итоге любопытство и азарт берут верх над здравым смыслом. Да и отступать я не привык, тем более добыча сама в руки идет.

Опустив стекло, я сигналию заждавшейся девчонке в образе сексуальной фантазии дальнобойщика. Отыскав меня взглядом, Олеся расплывается в широченной белозубой улыбке, приветственно машет и легкой, несмотря на внешне тяжелую обувь, легкой походкой направляется в мою сторону. Два парня азиатской внешности свистят ей вслед, бабулька с лысой собачкой под мышкой осуждающе качает головой, и только один остановившийся посреди тротуара мужик обращает внимание на меня и, подняв руку, показывает «класс», оттопырив вверх большой палец. Кивнув мужику, я переключаюсь на покачивающуюся при ходьбе надпись на груди Веснушки, мысленно гадая, как она додумалась не только купить эту похабщину, но еще и надеть, и выйти в люди.

— Мои глаза выше, Саш, — остановившись перед машиной, смеющимся голосом напоминает Олеся. Мда, глаза и правда выше, но эта провокационная надпись и то, что под ней, нехило меня завели, а еще ноги у нее бесконечные и талия такая, что ладонями можно обхватить. Руки чешутся проверить последнее предположение и заодно забраться под широкий, но короткий топ. Там размер второй, не меньше. Самое то. В яблочко, как говорится. За сто баксов можно поддержать? Да без проблем. Я парень не жадный.

– Ягуар, еще и желтый. Для съёма девчонок – беспроигрышный вариант, – Олеся продолжает меня безжалостно троллить, а я достаю из бардачка зеленую сотенную купюру и с нахальной улыбкой протягиваю в окно.

– Сто баксов за «подержать», – ухмыляюсь, откровенно уставившись на высокую грудь Олеси. Она не теряется, с деловым видом берет сотню и, проверив на свету водные знаки, по-хозяйски убирает в карман короткой юбки. – Спасибо за взнос на приют для бездомных животных, – Веснушка хлопает по карману. – Шестой за сегодня, – добавляет хвастливым тоном.

– Шутишь? – я вопросительно вскидываю бровь.

– Нет, я сама серьезность, – Леся смеется, отрицательно качая головой, и, отогнув краешек кармана, демонстрирует сложенные купюры. Моя сотня там точно не единственная. Я раздражённо хмурюсь, начиная догадываться, что меня развели, как последнего лоха. – Не переживай, Саш. «Подержать» сейчас устрою. Не при всех же, – заговорщически подмигивает Олеся и, резво обогнув Ягуар, забирается на соседнее сиденье. – Ну, вот теперь мы одни, – она снова одаривает обезоруживающей улыбкой.

– Одни, – киваю я, выжидающе глядя в мшисто-зеленые глаза, чуть ли не потирая руки в предвкушении.

Мой взгляд предательски сползает на ее губы. Они обычные, не идеальной кукольной формы, но с красной помадой оказывают на меня какое-то парадоксальное воздействие.

Терпеть не могу целовать накрашенные губы, но Олеськины, несмотря на обильность покрытия, не отталкивают, а напротив, вызывают грязные и пошлые фантазии на ее счет. Отрицать бессмысленно – Веснушка меня возбуждает, не до потери пульса, срыва башки и звона в яйцах, но до вполне ощутимого дискомфорта в джинсах.

– Глаза закрой, – требует девушка-загадка.

– Так нечестно, – возмущаюсь я.

– Почему нечестно? Про «посмотреть» речи нет, – пожимает плечами Олеся. Так и есть, даже придаться не к чему. – Закрой глаза и протяни мне ладони, – повторяет она с дополнением. – Или я верну тебе сотню.

Делать нечего. Приходится играть по ее правилам. С тяжелым вздохом я жмурю веки, ощущая себя полным кретинном, и вытягиваю вперед обе растопыренные пятерни, готовые ухватиться за уверенные «двойки» под топом Олеси. Ну хоть так, как крот, наощупь, а детали можно и дофантазировать.

– Какой послушный доктор, – посмеивается Олеся.

Понятия не имею, что на уме у этой сумасшедшей, но минуту, как минимум, она ничего не делает и не двигается. Я слышу ее ровное дыхание, дышу цитрусовым ароматом, мгновенно пропитавшим салон моего автомобиля, и жду сам не зная чего. Внезапно раздается какое-то шуршание, и по ошибке я воспринимаю звук за шелест одежды, но уже через считанные секунды горько разочаровываюсь.

– А вот и награда для героя, – взяв меня за запястья, Олеся уверенно разворачивает мои ладони так, чтобы в них могло что-то поместиться, и это что-то вовсе не упругая голая двойка..., а две апельсиновые карамельки в бумажных фантиках.

– Это какой-то прикол? – праведно гневаюсь на веселящуюся шарлатанку.

– Неа. Все честно, без подставы, – утверждает Олеся, наблюдая, как я раздражённо бросаю карамель в бардачок. – Зря, конфеты вкусные. Кстати, присмотрись внимательнее. Видишь рядом со знаком бакса две конфетки? – Бессовестная манипуляторша растягивает ткань на топе, проводя пальцами по танцующим буквам. В горле резко пересыхает, горячая пульсация в паху усиливается, принимая болезненный оттенок. Конфетки есть, Олеся не соврала, но смотрю я на выступающие через ткань вершинки сосков, умирая от желания попробовать именно их, а не дурацкие карамельки.

– Вижу, на бабочек больше похожи, – отвечаю низким тоном, выдавшем меня с потрохами. – Так и напрашиваются, чтобы их поймали. Могу зубами, если руками нельзя. Только скажи.

Но Олеся ничего не говорит, внезапно растеряв свое язвительное остроумие. Мы застываем в сантиметрах друг от друга, и за мгновенье атмосфера в салоне раскаляется до температуры кипения. Воздух становится густым и вяз-

ким, спираль напряжения раскручивается по нарастающей, пока не начинает опасно искрить. Мы встречаемся взглядами, одновременно делая глубокий жадный вдох, первый за прошедшую минуту. Она приоткрывает губы, взволнованно сгрызая с них помаду, забавно хмурится, рассматривая меня с каким-то новым обескураженным выражением, и больше не улыбается от уха до уха, а скорее, выглядит испуганной и растерянной. До скрежета зубов наивной и невинной. И этот ее непосредственный открытый взгляд отрезвляет меня быстрее, чем ушат с ледяной водой. Я вспоминаю, кто передо мной, вытравливая из головы похотливые мысли. С физиологией дела обстоят сложнее, но я справлюсь. Веснушка – не та девушка, которую можно в первый день знакомства отыметь в машине и без сожалений выставить на улицу, но я, чёрт подери, был дьявольски близок к тому, чтобы именно так и поступить.

– Тебя отец не учил, что дразнить взрослых дядей опасно? – прячу злость на самого себя под едкой иронией.

– Это ты что ли взрослый? – она скрывает свою нервозность за дерзким тоном, быстро накидывает на себя джинсовый пиджак, наглухо застегивая его на груди. А вот это мудрое решение.

– Я старше на восемь лет, Олеся. Давно не мальчик из песочницы, и подобные игры могут завести нас не туда. Понимаешь? – сухо интересуюсь я, отворачиваясь от притихшей девушки, и завожу своего зверя. – Пристегнись, пожалуйста.

– Ты меня сейчас напугать пытаешься? – Олеся натянуто смеется, щелкая ремнем безопасности. – Не слишком ли паванская машина для взрослого дяди?

– В самый раз.

– Кто-то еще не наигрался в крутого мачо местного разлива?

Ягуар с мягким рокотом срывается с места. Я выразительно хмыкаю, не удостоив ее ответом. Пусть сколько угодно брызжет ядом, мне известна причина вызывающего поведения. Мне не привиделось сексуальное притяжение между нами. Мы оба его почувствовали несколько минут назад, но в отличие от меня, Олеся пока не готова признать очевидное. Что ж, подождем. Спешить нам некуда. До утра еще много времени, и я собираюсь использовать его по полной.

– Саш, расскажи, кто там будет? – спустя десяток километров пути, Олеся первой прерывает молчание, убавляя громкость ритмичного трека.

– Напряглась, малышка? – ухмыляюсь я, бросив на девушку насмешливый взгляд, и откровенно пошлю: – Боишься, что с тремя взрослыми дядями твой наглый язычок не справится?

– Я же сказала, что не боюсь тебя, Кравцов. – порывшись в своем рюкзаке, она достаёт влажные салфетки и, опустив зеркало, тщательно вытирает губы. – У меня плохая память на имена. Не хочется попасть впросак, – закончив, поясняет Веснушка.

– А мне кажется, что ты прощупываешь почву и начинаешь жалеть, что опрометчиво согласилась поехать со мной, – не унимаюсь я. – Вдруг у нас мальчишник, Лесь? Трое мужчин и ты одна, да еще и в такой говорящей футболке. Друзья мне только спасибо скажут за приятный длинноногий бонус.

– У меня обычные ноги. Платформа у босоножек высокая, – невозмутимо отвечает Веснушка, рассеянно глаза в окно.

Как будто и правда не волнуется. Выдержка у девчонки что надо. Другая бы уже заистерила и заставила бы меня развернуть машину. Скосив взгляд на едва прикрытые юбкой стройные бедра и острые коленки, я готов с ней поспорить насчет общности ее ног. Фигурка у Веснушки отпад, гибкая и точеная, как статуэтка. Обычно я предпочитаю более сочные формы, а-ля песочные часы, но случались в моей постели и худощавые девчонки. Вкусы и предпочтения иногда подстраиваются под обстоятельства и конкретного человека. Конкретно Олеся Матвеева меня нехило вштыривает, а это и есть самое главное в подборе партнерши для секса.

– Олег и Макс Богдановы. Родные братья. Макс мой ровесник, учились в одном классе, потом вместе в МГМУ Сеченова поступили. Макс будет со своей девушкой Яной, Олег старше нас на два года – с женой Мариной, – снисходительно отвечаю на просьбу Олеси и коротко рассказываю о своих друзьях.

– Макс и Яна, Олег и Марина, – прилежно повторяет Оле-

ся. – А ты собирался один поехать? Пятым лишним? – тут же любопытствует она. – В столовой ты был с брюнеткой, или, скорее, она с тобой.

– Ленка – отработанный материал, – равнодушно отзываюсь я. – Планировал взять кого-нибудь другого. Выходные без секса – это время, потраченное впустую, – снова провоцирую Веснушку, но та стойко держится.

– И все равно с кем?

– Почему? У меня есть личные критерии выбора и список желающих, – пожимаю плечами, с улыбкой поглядывая на задумчиво нахмурившуюся Веснушку. – Но сегодня все пошло не по плану.

– В списке желающих меня точно не было, – повернув голову, она озадаченно изучает мой профиль.

– Правда? – ухмыльнувшись, смотрю ей в глаза, замечая вспыхнувшие на щеках розовые пятна, говорящие куда больше любых слов.

– Мне нравится тебя дразнить, хотя ты и считаешь, что это заведет нас не туда, – с непосредственной искренностью отвечает Олеся. – Я думаю, мы можем стать друзьями, Кравцов.

– Ага, лучшими, – смеюсь над ее наивностью, возвращая взгляд на дорогу. – С подругами я еще не трахался, Веснушка. Может быть, потому что у меня их никогда не было. Но давай попробуем. Вдруг понравится.

– Друзья для души, а не для тела, – выдает она, и я

ржу, как конь. Надувшись, Олеся отворачивается от меня и до конца поездки обиженно молчит. Я не чувствую ни малейших угрызений совести, наоборот, меня-таки распирает от удовольствия и волнительного предвкушения.

Мы приезжаем в самый разгар сабантуя. Парни заметно на веселе после распитой бутылки вискаря, девочки балуются шампанским, горячий шашлык уже на столе, рыба еще на гриле, баня топится, от купели под открытым небом в воздух поднимаются клубы пара.

Я быстро знакоблю друзей со своей новой спутницей, и уже через час Олеся своя в доску, словно сто лет тусуется в нашей компании. Не знаю как, но за короткий отрезок времени Веснушка умудряется задвинуть меня на второй план и очаровать всех, включая не очень жалующую моих пассий Маринку. Когда-то давно, еще до замужества с Олегом, у нас с ней пару-тройку раз было, но об этом известно только нам двоим. Тем не менее Марина до сих пор ревностно относится к каждой девушке, которую я знакоблю с друзьями. Точнее относилась – до появления Олеси.

– Мальчики, мы париться. Без нас не пить и не сплетничать, – игриво грозит нам с парнями Яна. – Олесю тоже забираем, – обнимая Веснушку за плечи, она уводит ее в сторону бани. Марина уже там, встречает подружек шампанским и пьяно хохочет.

– Вам не поплохее? – кричит вдогонку Олег. – Шампунь

в парной лучше снаружи принимать, а не внутри.

– Помощь потребуется – позовём, – хихикает Яна, демонстративно захлопывая за собой дверь.

Расположившись на мягких диванах вокруг кострища, мы с друзьями курим кальян и доедаем шашлык под крепкие напитки и мужские разговоры. Макс, как обычно, травит быличные байки, Олег отпускает пошлые беззлобные шуточки в адрес закрывшихся в бане девушек, а я расслаблено потягиваю из стакана холодный виски и изо всех сил стараюсь не опьянеть.

– Колись, Кравцов, где такую забавную малышку откопал? Ей восемнадцать-то есть? Не встрянешь за совращение? – глумится Макс.

– Есть. Девочка взрослая, – поясняю я и затягиваюсь кальяном.

– Я бы не сказал, – вставляет Олег. – Без обид, но синий чулок с душой нараспашку не твой формат, Сань.

– В каком смысле? – раздражаюсь я, поперхнувшись дымом. Олеся странная немного, ладно, пусть не немного, но уж точно не синий чулок.

– В прямом. Я давно тебя знаю, выучил уже твой типаж.

– Да отвали ты от него, Олег. Может, Кравцова теперь прет от девочек-одуванчиков, – хохмит Макс. – Они, между прочим, самые отмороженные на голову. Зажигают похлеще опытных. Поэтому я одобряю. Один раз живем, грех не оприходовать такой свежачок.

– Свежачок? – вопросительно подняв бровь, смотрю на захмелевшего Макса.

– Ленки твоей точно посвежее будет, – оба друга срываются в пьяный ржач, чем начинают меня изрядно подбешивать. Свиридова-то тут причем? Мы вроде разбежались без претензий. Или я чего-то не знаю?

– Да не парься, Сань, – хлопает меня по плечу Олег. – Макс ей присунул разок, вот и радуется, как ребенок.

– Серьезно? – недоверчиво плююсь на младшего Богданова. – Когда успел?

– После того, как ты ее послал, она ко мне пьяная приперлась, хотела выяснить, есть у тебя кто или нет, – поясняет Макс, закидывая в себя порцию виски. – Я сказал, что в душе не е*у, а Ленка разревелась. Пришлось утешить.

– Ну ты козел, – ухмыляюсь без особого сожаления. Ленка – пройденный этап, и ее нравственный облик меня волнует мало. Хреново, конечно, что по рукам пошла, но это только подтверждает правильность моего решения. Все просто на самом деле. Нет бабы – нет проблем. – А Янка где была?

– К родителям в свой Мухосранск на выходные ездила, – небрежно отзывается Макс. – А я оба дня Свиридову жарил. Ухх она какая, с огоньком. Такую ты девку, Кравцов, просрал.

– Зато ты вовремя подобрал, – цинично замечаю я, ничуть не удивившись выходке Макса. Он из нашей компании самый всеядный, а Янка у него или слепая, или замечать ни-

чего не хочет.

– Слушаю вас и завидую, – с притворным сожалением вздыхает Олег. – Нахера я так рано женился?

– Сейчас Марина вернется и объяснит, – насмешливо бросаю я, поворачиваю голову в сторону бани как раз в тот момент, когда оттуда выбегают распаренные и раскрасневшиеся девушки в полотенцах. С громким смехом они несутся прямиком к купели. Олеся вперед всех, светлые волосы собраны в пучок на макушке, довольная улыбка до ушей, щеки горят. Парни одновременно сворачивают шеи, когда все три банщицы оказываются на бортике купели.

– Интересно, они голышом нырять будут или слабо? – пожирая девчонок взглядом, рассуждает вслух неугомонный Макс.

– На Маринку мою голую поглазеть хочешь? – Олег шутливо отвешивает ему братского леща по затылку.

Шутки шутками, а я почему-то напрягаюсь, наблюдая за тем, как Олеся развязывает узел на своем полотенце, медленно разводит края в стороны и поворачивается к нам спиной. У меня даже в горле пересыхает, а Макс подается вперед, ерзая от нетерпения. Зря Олег волнуется, его не Маринка вовсе интересует, и не Яна, которую он голую сто раз видел. Ловлю себя на мысли, что тоже не прочь хорошенько вмазать Богданову-младшему и не дружеского, а воспитательного леща. Тем временем Олеськино полотенце падает к ее босым ступням, открывая умопомрачительно-горя-

чий вид на изящное точеное тело в крошечном белом купальнике, состоящем из одних веревочек. С моих губ срывается невнятное ругательство. Не знаю, сколько ткани и что она прикрывает спереди, но сзади – это просто отпад башки. Марина и Яна тоже бросают свои полотенца на землю, но на их фоне Веснушка смотрится еще сексуальнее. Гибкая, хрупкая, почти невесомая, но при этом чертовки женственная. А талию и правда ладонями обхватить можно.

– Беру свои слова про синий чулок назад, – возбужденно сопит Макс. – Кто бы мог подумать, что у бледной худышки такая задница зачетная. Ну, давай, детка, повернись, покажи нам сиськи.

– Заткнись, Богданов, – толкаю друга в плечо и тычу пальцем в его подружку. – Яну видишь? Вот она покажет все, что хочешь.

– Жалко, что ли? Я одним глазком, – намеренно дразнит меня Макс. Но его эротическим фантазиям не суждено сбыться. Сосчитав до трех, девушки, так и не оглянувшись в нашу сторону, ныряют в купель, подняв волну брызг.

– Облом, – смеется над приунывшим братом Олег, а я, облегченно выдохнув, плескаю себе немного алкоголя в стакан. – Не вешай нос, Макс, сейчас быстрокупаются и вылезать начнут.

Черт, об этом я как-то не подумал. Поперхнувшись горьким пойлом, ставлю стакан на стол и снова переключаю фокус внимания на плескающихся русалок. Девчонки весело

хохочут, брызгаясь и зазывая нас присоединиться.

– Давайте-ка тоже попаримся, – предлагаю я, решительно вставая с насиженного места.

– Пошли, – охотно соглашается Олег. Максиму не остаётся ничего другого, как последовать за нами, тоскливо оглядываясь на резвящихся в воде полуголых купальщиц.

Олеся

Выходить из купели оказалось не так приятно, как нырять в нее. Жаркий майский день давно закончился, сменившись вечерней прохладой, земля остыла, свежий ветерок пронизывает до костей. Я зябко ежусь, кутаясь в мокрое полотенце, зубы стучат, тело покрылось гусиной кожей. Сейчас бы опять в баньку погреться, но она временно оккупирована мужчинами. Они, конечно, будут не против, если я присоединюсь, но рисковать все же не стоит, да и девочки не поймут.

– Замерзла? – с добродушной улыбкой спрашивает Марина. Я согласно киваю, растирая плечи руками. – Но круто же, согласись? Не жалеешь, что приехала?

– Нет, тут здорово и вы заводные и классные, – делаю искренний комплимент.

Марина мне правда очень понравилась. Веселая, простая, без короны на голове и поговорить есть о чем, кроме шмоток и клубов. Они с Олегом шикарная пара. Оба высокие, спортивные, яркие. Он – шатен с зелеными глазами, она – черноглазая брюнетка с сочными формами. Дети красивыми

будут. Макс с Яной на мой субъективный взгляд не так гармонично смотрятся, да и вообще не похожи на влюбленных. Он весь вечер на меня пялился, даже не скрываясь от своей девушки. Как-то это неправильно, но кто я такая, чтобы совать нос в чужие отношения.

– А Яна куда делась? – задаю вопрос, оглядевшись по сторонам.

– Вон, идет, – показывает Марина на спускающуюся с крыльца дома подругу.

– Ну, как вы, живые? – приблизившись, Яна протягивает мне банный халат с капюшоном. Длинный и теплый, как раз то, что нужно. Второй отдает Марине, а третий накидывает на себя. – В карманах тапочки. Они одноразовые, потом можно выбросить.

– Спасибо, – благодарю трясущимися губами.

Мы быстро одеваемся и перебираемся поближе к огню. Занимаем свободный диван напротив того, что облюбовали парни. Оголодавшие после купания девчонки набрасываются на еду, открывают очередную бутылку шампанского. Третью или четвёртую по счету. Я уже сбилась. Мне за ними при всем желании не угнаться. Только один бокал осилила, после которого до сих пор в голове шумит и в сон клонит.

– Давай самую капельку, за компанию, – уговаривает Марина, наполняя бокал для меня и двигая в мою сторону. Отпираюсь как могу, объясняя, что ещё один глоток, и я вырублюсь прямо на улице, а им всем придётся тащить мою тощую

тушку в дом.

– Ничего страшного, Кравцов взвалит на плечо и поволочет в свою берлогу, – легкомысленно смеётся Янка и добавляет заговорщическим тоном: – Мы вам комнату на первом этаже оставили. Самую удобную, между прочим. С гостевой ванной и выходом на террасу.

– Кравцов, как всегда, в малине, – закатив глаза, фыркает Марина. – Олег над ним больше, чем над собственной женой и братом трясётся. А Сашка мог вообще не явиться. Не раз всех обламывал. Честно говоря, не понимаю я дружки в одни ворота.

– Не нагнетай, Марин, – отмахивает Яна. – Был бы Кравцов херовым другом, вы бы с Олежкой даже до ЗАГСа не дошли, – девушка бросает на подругу многозначительный взгляд. Глаза у нее и правда, как у лисы Алисы, хитрые, раскосые, выразительные, и волосы ярко-рыжие, собранные на затылке в густой хвост. Огненная девчонка, парни таких любят, но Максим, похоже, свое рыжеволосое счастье пока не оценил.

– Почему? Саша отговорить мог? У Олега своей что ли головы на плечах нет? – недоумеваю я. Девчонки переглядываются, потом смотрят на меня и дружно хохочут.

– Ну ты наивняк, Леся. Детский сад, штаны на лямках. – задыхаясь от хохота, Янка вытирает выступившие слёзы.

– А что я такого сказала? – спрашиваю, смущённо глядя на веселящихся подруг.

– Ты точно сюда с Кравцовым приехала? – Маринка заливается ещё сильнее.

– Ей бы больше Смоленский подошёл. Скажи, Марин? – хватаясь за живот, обращается к подруге Янка.

Я не злюсь на них и не обижаюсь. Смеются – значит весело. Волшебные пузырьки из шампанского действуют. Жаль, что у моего организма на алкоголь совсем другая реакция. Или сплю, или плачу.

– А кто такой Смоленский? – интересуюсь для поддержания беседы.

– Вадик Смоленский тоже из нашей компании, но появляется редко. Олег, Сашка и Смоленский ещё со школы дружат. Вадим – жуткий ботан, но зато к нему с любым вопросом обратиться можно. Поможет, выручит, подскажет, – объясняет Яна. – Кстати, он до сих пор девственник. Вот кому-то повезёт, – хохочет девушка, и я тоже непроизвольно улыбаюсь. За компанию.

– Чем повезёт-то? – уточняю, не совсем уловив в чем подвох.

– Ну ты приколистка, – почти плачет Маринка. – Вас точно со Смоленским надо познакомить. Он бы тебе сейчас такую лекцию развернул, до утра бы слушала.

– Лесь, скажи, а как тебя в Кравцова нашего вляпаться угораздило? – интересуется Яна. В бане меня Марина уже пытала на эту тему, но я умудрилась незаметно «съехать». А сейчас под прицелом двух любопытных пар глаз отмол-

чаться точно не получится.

– А почему вляпаться? – я все-таки пытаюсь увести разговор в сторону.

– Ты, как почемучка, Олесь. Мы уже смеяться устали, – жалуется Марина. – А вляпаться – это потому, что Кравцов, как мужик, дерьмо редкостное. Каждый месяц новая баба, знакомиться устали. Больше двух раз ни одну не видели. Нет, вру. Ленка сегодня четвёртый раз должна была приехать, но появилась ты, – она окидывает меня красноречивым взглядом. – И очень нас всех удивила.

– Зачем ребёнка пугаешь, Мариш? Вдруг у них любовь. Чистая и светлая, как в кино, а ты в грязной обуви по нежным чувствам, – выдаёт Яна, приснув в конце от смеха. – Ты не слушай Маринку, Лесь. И меня не слушай. Тебе Кравцов только на пользу. Наивности поубавится и ума бабского прибавит. К тому же гинекологи, говорят, трахаются, как боги. Да, Марин?

– Ничего особенного, – мрачно отзывается брюнетка и залпом допивает шампанское из бокала.

– Да ладно, мне-то не заливай. До сих пор на Кравцова слюни втихаря пускаешь, – Яна толкает подружку плечом, и до меня частично доходит, что они имеют в виду. У Марины и Страйка есть своя история, судя по всему, случившаяся до Олега. Я не удивлена, но странные они тут все, конечно.

– А кто гинеколог-то? – слегка запутавшись, спрашиваю я. – Стра... Кравцов же вроде онколог.

– Хирург-онколог, – важно поправляет Марина, давая понять, что знает о Саше куда больше, чем я. – По женским половым органам. Вот такие дела.

– Специализацию, конечно, он выбрал себе специфическую... – комментирует Яна. – Насмотрится на работе ужасов, и неровен час, ориентацию сменит, – она и тут находит повод посмеяться.

– А мне кажется, что это очень смелый выбор, – говорю серьёзным тоном.

– Его отец так не считает, они из-за этого постоянно срут-ся. Папашка Сашку в пластическую хирургию отправлял, хотел, чтобы сын по его стопам пошел, «Амели» после него возглавил, а Саша по-своему сделал, – рассказывает Марина, наполняя свой и Янкин бокалы. Мой – по-прежнему до краев, нетронутый. – Кравцов хоть козел и бабник, но Олег говорит, что он врач от бога. Его единственного на третьем курсе в хирургическую бригаду взяли к самому Маковецкому. Слышала такого? Один из лучших онкологов страны. Прикинь, уровень? Скоро и к нашему Кравцову запись на пять лет вперёд выстроится.

– А так и не скажешь. Кравцов на врача совсем не похож. Бывает же такое несоответствие, – разводит руками Яна и бросает на меня хитрющий взгляд. – Ну так как, врут слухи про особые умения мужиков-гинекологов в сексе или нет?

– Понятия не имею, мы до этой стадии отношений не дошли, – передергиваю плечами, задирая ноги на диван и при-

жимая колени к груди. – Но мне кажется, что к профессии секс не имеет особого отношения.

– Серьезно или шутишь? – девушки снова переглядываются, на этот раз удивленно. – У вас совсем-совсем ничего не было? – им больше не смешно, и я из категории забавной дурочки плавно перешла в какую-то новую. Теперь на меня смотрят не с покровительством, а с настороженностью.

– Seriously, – киваю я. – Совсем ничего, – расправляю широкий халат так, чтобы накрыть им не только колени, но и озябшие ступни. Разговор становится малоприятным, все больше смахивая на обмусоливание сплетен.

– А знакомы давно? – любопытствует Яна, рассматривая меня совсем другим взглядом. Я начинаю подозревать, что у любвеобильного Страйка и с этой девушкой имеется незакрытая страница засекреченной истории.

– С пяти лет, – выкладываю, как на духу, и только увидев вытянутые лица девчонок, осознаю, что дала маху. В первую очередь, против самой себя. Судя по тому, что ребята дружат давно, они могут знать, пусть даже условно, моего отца. Мне категорически не нужно, чтобы до моих родителей дошло, что я встречаюсь с сыном Кравцовых. Во-первых, между нами действительно нет ничего серьезного, а во-вторых, они со стопроцентной гарантией решат вмешаться из самых искренних родительских побуждений, и этого я боюсь больше всего.

– Моя мама раньше работала в «Амели», и нашу семью

пару раз приглашали на корпоративы, – вру на ходу, ставя себе мысленную пометку предупредить Страйка.

– Да ладно, – расплывается в улыбке Яна. – Так это у тебя ещё с детства? Офигеть!

– Что с детства? – не понимаю я.

– Что-что? Любовь, – беззлобно раздражается Яна. – Очень неудачный объект для воздыханий ты выбрала, Лесь, но хотя бы опыту наберешься. В этом плане лучше Кравцова только мой Макс. Такой же бл*дун и пи*дабол.

Я туманно улыбаюсь, не собираясь оспаривать версию Яны. Пусть думают, как хотят, и мне в роли наивной дурочки гораздо комфортнее.

– Грубовато ты о своём парне, – смеётся Марина. – Но в точку. Самого порядочного я отхватила. Олег у меня святой на фоне друзей. Лесь, тебе лет сколько? – резко меняет она тему.

– В ноябре двадцать будет, – отвечаю без заминки. Марина кивает каким-то своим мыслям. – А тебе?

– Двадцать пять, – вздохнув, словно ей сорок, признается она.

– Старушка, – подтрунивает над подругой Яна. – Мне ещё три года до твоего юбилея.

– Учитесь где-то? – интересуюсь я, радуясь, что диалог перетек в другое русло.

– Я закончила в том году. Работаю архитектором в департаменте. Тоска смертная. Скорее бы в декрет, – сетует Ма-

рина.

– В чем проблема? – мягко улыбаюсь я и даже немного завидуя. Давно заметила, чем благополучнее у некоторых жизнь, тем охотнее они себе сложности придумывают. – Возраст у тебя подходящий. Чем раньше начнёте, тем быстрее дети вырастут и здоровее будут.

– Да, знаю, – соглашается Марина. – Сашка то же самое говорит, а Олег хочет подождать ещё год. Им с Кравцовым пообещали хорошие места в питерском многопрофильном онкологическом центре. Переезжать с маленьким ребёнком сложнее будет. Решили немного повременить.

– Олег тоже онколог?

– Да, во взрослой гематологии. Очень не..., – Марина отвлекается, не успев закончить мысль.

Дверь парной с грохотом открывается, выпуская троих голых парней, с гомерическим ржачем несущихся к купели. Сверкнув задницами и мускулистыми спинами, троица дружно прыгает в воду.

– О, наши герои напарились! – оживляется заметно опьяневшая Яна. – Как интересно они выбираться будут? – ухмыляется она. – Мужской стриптиз заказывали, девочки?

– Пойду в дом, вынесу им тоже халаты, а то от них всего можно ожидать, – Марина качает головой, с улыбкой глядя на веселящихся парней сквозь дымовую завесу затухающего костра. – Как соберутся вместе, так детство в одном месте играет, – ухмыляется она, поднимаясь с дивана.

– Эх, зря она суетится, я бы посмотрела, – заявляет Яна, когда Марина скрывается из поля нашего зрения. – Ничего нового я там не увижу, но все равно эстетически кайфану. Повезло же тебе, Леська, – завистливо протягивает она. – Ночью не теряйся. Выжми из него по максимуму. Кравцов – редкий экземпляр. Во всех смыслах.

– А недавно в один голос говорили, что не повезло, – припоминаю с безобидной улыбкой. – Но ты не волнуйся, я разберусь, что мне делать с этим редким экземпляром.

– Сомневаюсь, – одарив меня скептическим взглядом, заключает Яна. – Нравишься ты мне, Олеся. Хорошая девчонка, добродушная, наивная и совсем зеленая... – вздыхает чуть ли не с сожалением. Ну надо же, какая заботливая. Сейчас еще и советы дружеские начнет раздавать. – Ты на Сашку больших планов не строй, Лесь, – подтверждает она мои догадки. – Развлекись, приятно проводи время... и забей, лучше первая, чтобы не так обидно было.

– Ян, у меня вообще-то парень есть, – сообщаю, устав слушать о том, какой Страйк мега-бабник и как быстро меня кинет. Словно я дура слепая и не вижу очевидных вещей. – Он сейчас во Франции, но скоро вернется, – поймав недоверчивый взгляд Яны, добавляю поспешно.

Придумываю, само собой. Никуда Вик не уезжал, только собирается. Завтра. А сегодня мы должны были встретиться в той кофейне, откуда меня потом забрал Страйк. Я отменила свидание в последний момент и, честно говоря, са-

ма не до конца понимаю, зачем позвонила Кравцову под дурацким предлогом и потом согласилась поехать сюда. Наверное, захотелось удивить, сломать сложившийся в его голове шаблон. По старой памяти. Есть в нем что-то, разжигающее во мне... азарт, если это можно так назвать.

– Ваш Кравцов мне не интересен в долгосрочной перспективе. Так что расслабься, никуда он от вас не денется, – говорю Яне чистую правду.

– Слышали мы уже такие песни, – усмехнувшись, иронично отзывается она. – Потом будешь сопли на кулак наматывать.

– Что вы тут наматывать собрались? – плюхнувшись между нами, спрашивает Максим, обняв нас обеих за плечи. Увлечшись разговором, мы с Яной не заметили, как он подкрался. Подняв голову, я натыкаюсь на хмурый взгляд Страйка, усевшегося на диван напротив. На нем такой же халат, как у меня, но сидит совершенно иначе. Если я в своем тону, то Кравцову размер подошел впритык. За прошедшие годы с нашей последней встречи Страйк заметно возмужал. Особенно это бросилось в глаза, когда я наблюдала за его голым забегом. Не качок, но спортивными тренировками, судя по широченным плечам и крепким мышцам, похоже не пренебрегает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.